

Артур Матарян

Философская притча
об информационном поле,
рассказанная им самим

Артур Матарян
Путь. Философская притча
об информационном поле,
рассказанная им самим

<https://litres.ru/74297313>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десятилетний Арман переживает развод родителей. В поисках опоры мать отправляет его в горную общину "Путь" — место, где дети изучают боевые искусства, йогу и жизненную мудрость. Там Арман встречает Учителя — человека, который говорит загадками и никогда не даёт прямых ответов.

Через череду уроков — в повседневном труде, на лоне природы, в тишине звёздных ночей — мальчик узнаёт об устройстве реальности. О том, что всё связано невидимой сетью. Что информация никогда не исчезает, а лишь меняет форму. Что природа не делает лишнего. Что порядок и хаос не враги, а партнёры в вечном танце.

Эта книга — художественное введение в Единую Теорию Информации (ЕТИ): современную онтологию, описывающую реальность как самоэволюционирующее информационное поле.

Двенадцать глав — двенадцать фундаментальных принципов, воплощённых не в формулах, а в живых образах и притчах.

Для тех, кто ищет не готовые ответы, а направление.

Содержание

Глава 1. Начало	5
Глава 2. Всё связано	13
Глава 3. Инь и Ян	18
Глава 4. Ничто не исчезает	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Артур Матарян

Путь. Философская притча об информационном поле, рассказанная им самим

Глава 1. Начало

> Реальность на фундаментальном уровне представляет собой единое информационное поле. Материя, энергия, пространство и время не являются первичными сущностями, но представляют собой эмерджентные проявления различных конфигураций этого поля. Всякое сущее есть информация, принявшая ту или иную форму.

Он сидел в своей комнате и делал вид, что решает задачу. Учебник лежал перед ним раскрытым — старый, с загнутыми уголками, полученный в школьной библиотеке ещё в сентябре. За окном шёл дождь — не сильный, не слабый, а такой, какой бывает только в середине мая, когда природа ещё не решила, хочет она плакать или просто грустить.

Арман смотрел на цифры, но не видел их.

За стеной говорили родители. Он не слышал слов — толь-

ко глухой, неразборчивый гул, который стены превращали в нечто бесформенное. Но он слышал другое. Паузы. Они были слишком длинными. Слишком тяжёлыми. В них помещалось больше, чем в словах.

Он считал паузы, как другие считают секунды перед грозой.

Вот мать замолчала. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Отец не ответил. Шесть. Семь. Восемь. Что-то тихо звякнуло — может быть, чашка, может быть, ключи. Девять. Десять.

Отец заговорил. Арман выдохнул.

Он не знал, о чём они спорят. Знал только, что это происходит уже не первый вечер. И не первый месяц. Раньше они хотя бы пытались говорить тише. Теперь, кажется, им было всё равно. Или они просто устали скрывать то, что давно стало очевидным.

Арман закрыл учебник. Подошёл к окну.

Двор был пуст. Качели мокли под дождём. Фонарь горел жёлтым, каким-то болезненным светом, и под ним сидел кот. Он не прятался, не жался к стене. Просто сидел, обернув хвост вокруг лап, и смотрел куда-то в темноту. Капли падали ему на голову, но он не двигался.

Арман смотрел на кота. Кот смотрел в темноту.

Потом кот встал, медленно потянулся и ушёл. Не оглянувшись.

И в этот момент за стеной хлопнула дверь. Громко. Резко. Так, что задрожала посуда в шкафу.

Арман не обернулся. Он продолжал смотреть в окно, хотя фонарь освещал только пустой асфальт и мокрые качели. Отец ушёл. Он понял это не по звуку шагов — их не было слышно. Он понял это по тишине. По той особенной тишине, которая наступает в доме, когда из него уходит кто-то, кто жил здесь много лет.

Он закрыл окно. Выключил свет. Лёг в постель, не раздеваясь.

Утро наступило серое и тихое.

На кухне стояла мать. Смотрела в окно. За ним было только серое небо и мокрые крыши. На столе стояли две чашки и гренки. Чай уже остыл.

Арман сел за стол. Взял свою чашку. Сделал глоток.

— Папа придёт?

Мать не ответила сразу. Продолжала смотреть в окно.

— Не сегодня.

Он допил чай и пошёл к себе.

Дни тянулись медленно, как вода, которая никак не может закипеть.

Мать пропадала на работе. Наступало лето — нужно было куда-то ехать, но планы, которые они строили зимой (всей семьёй, с отцом, с долгими вечерами на набережной), рассыпались в пыль. Пионерский лагерь отпадал — мать не успела выбить путёвку, все сроки прошли. Бабушка жила в далеком

Хабаровске. Дед умер в прошлом году.

Арман помнил его похороны. Первый раз, когда он видел, как плачет мать.

Теперь он сидел дома один, с книгами. Их было много — странных для его возраста. Не потому, что он был вундеркиндом. Просто ему было интересно.

«Дао дэ цзин» — маленькая, с выцветшей обложкой, найденная в дедовых вещах. Он носил её с собой в рюкзаке и перечитывал на переменах, хотя мало что понимал. Платон — отдельные диалоги, те, что покороче. Монтень — толстый, тяжёлый, который он так и не осилил до конца, но первые страницы перечитывал снова и снова.

Он закрывал книгу, открывал снова, перечитывал одну и ту же строчку и не мог перестать думать о ней. Ему казалось, что она говорит с ним на языке, которого он не знает — но слышит.

Разговор об общине зашёл случайно.

Мать пришла с работы поздно. Усталая. С тёмными кругами под глазами. Села на кухне. Долго молчала.

— Я не знаю, что делать с летом, — сказала она. — У меня отпуска нет. Отец... ты сам понимаешь. Лагерь отпадает. Галина с работы говорила про одно место. В горах. Община. Не лагерь, не санаторий. Называется «Путь». Там дети живут, помогают по хозяйству, учатся чему-то. Говорит — хорошее место.

Она помолчала.

— Я не знаю, Арман. Звучит странно.

— Путь, — повторил Арман. Слово показалось ему красивым. Простым. И в то же время — огромным. Как будто в нём помещалось всё, что он искал, но не мог назвать.

— Ты хотел бы?

— Я не знаю. А можно?

— Я узнаю...

Мать позвонила на следующий день. Разговор был долгим — минут двадцать, не меньше. Арман сидел рядом и пытался по её лицу понять, что происходит. Она то хмурилась, то вдруг улыбалась, то снова хмурилась. Её спрашивали обо всём: об оценках в школе, об особенностях поведения, о здоровье. Она отвечала подробно, честно, как на приёме у врача.

Потом положила трубку и сказала:

— Сказали перезвонят.

Перерыв длился часа три. Мать нервничала. Арман делал вид, что читает. А потом телефон зазвонил снова. Мать взяла трубку. Слушала. Кивала. И вдруг у неё стало такое лицо, какого Арман не видел давно — удивлённое, облегчённое, почти счастливое.

— Хорошо, — сказала она. — Мы приедем.

И повернулась к нему:

— Всё. Они тебя ждут.

Поезд отправлялся рано утром.

Арман никогда не любил вокзалы — суету, громкие голоса, запах мазута и пирожков. Но в этот раз всё было иначе. Может быть, потому что они ехали не на отдых и не в гости. Может быть, потому что всё происходящее казалось ему не совсем реальным — как будто он смотрел фильм про самого себя.

Полдня в дороге. За окном проплывали поля, перелески, полустанки с названиями, которые он не успевал прочитать. Мать дремала, привалившись к окну. Арман смотрел на мир, который становился всё зеленее и выше.

В Краснодаре они пересели на автобус. Старый ПАЗик — дребезжащий, с продавленными сиденьями и шторками, которые не хотели задёргиваться. Водитель, немолодой мужчина с усами, сказал: «Часа два, если не застрянем в пробках». Не застряли. Но трясло так, что мать дважды хваталась за поручень. Серпантин был долгий.

Затем дорога сузилась. Асфальт кончился — под колёсами захрустел гравий. За окном плыли густые леса, редкие поляны с высокой травой, скальные выступы. Где-то внизу шумела река. Автобус карабкался вверх, рыча мотором на поворотах.

— Красиво, — сказал Арман.

Мать кивнула:

— Я не знала, что у нас такие места есть.

Наконец, лес расступился.

Автобус выехал на открытое пространство и остановился. Дальше дороги не было — только тропинка, уходящая вверх по склону. Остановка с кривой лавочкой.

Слева, на горе, виднелись несколько деревянных домов — не новых, но ухоженных, с большими окнами и верандами. Справа блестело озеро — небольшое, почти круглое, с тёмной водой, в которой отражались облака. Чуть дальше, за домами, виднелся огород — ровные грядки, теплица, несколько человек в широкополых шляпах.

Над одной из крыш поднимался дым. Вблизи место запахло дровами и хлебом. Где-то, в глубине, слышался детский смех — приглушённый, но живой.

На воротах — старых, деревянных — было вырезано одно слово: **ПУТЬ.**

Мать взяла его за руку. Они прошли через ворота. Было слышно, как ветер трогает верхушки сосен, как шумит река внизу, как где-то стучит топор — размеренно, спокойно, без спешки.

— Мне кажется, тут хорошо, — тихо сказала мать. — Я не знаю почему. Но так кажется.

Она присела перед ним. Взяла его лицо в ладони. Долго смотрела — как смотрят на человека, которого придётся отпустить, хотя отпускать не хочется.

— Я приеду через месяц. Если не понравится — заберу раньше. Если понравится — останешься. Договорились?

— Договорились.

Час они провели вместе. Близилось время обратного рейса. Мать обняла его крепко, как обнимают перед долгой разлукой. Потом пошла к автобусу. Водитель уже заводил мотор.

Арман стоял и смотрел, как ПАЗик разворачивается и катит вниз по дороге. Долго. Пока не стих звук мотора. Пока не осталась только тишина — та особенная горная тишина, в которой слышно, как живёт лес.

Он остался один. Огляделся.

Тропинки между домами были посыпаны гравием. На веранде одного из домов сидел человек с книгой — он поднял голову, посмотрел на Армана и снова уткнулся в страницы. От озера шла женщина с ведром — она улыбнулась, но ничего не сказала. Где-то звякнул колокольчик — может быть, на двери, может быть, на шее у козы.

Всё было обычным. Спокойным. Не магическим. Не таинственным. Просто — другим.

Арман сделал первый шаг. Медленно. По тропинке, уходящей вверх.

Дома были ближе. Ветер — теплее.

Он не знал, куда идти. Но знал, что идёт. И этого было достаточно.

Глава 2. Всё связано

> Информационное поле представляет собой динамическую сеть связей и различий, где каждый элемент существует не сам по себе, но лишь в отношении к другим элементам. Нет изолированных сущностей. Есть только узлы и связи между ними. Реальность — это не вещи, а отношения.

Он проснулся от тишины. Не от звука — от его отсутствия. В городе тишину приходилось искать: закрыть окно, выключить телефон. Здесь она была повсюду. Она лежала на подушке, висела в воздухе, просачивалась сквозь стены.

Арман лежал неподвижно и слушал, как тишина дышит. Комната была маленькой — кровать, стол, стул, шкаф. Стены из тёплого дерева, на окне — занавеска из выцветшего льна. На столе стоял кувшин с водой, рядом — кружка и записка, сложенная пополам.

Он взял записку.

«Завтрак в общем доме. Приходи, когда будешь готов.»

Никакого имени. Никакой подписи. Никаких правил.

Арман оделся и вышел.

Утро было прохладным, но солнце уже поднималось над горами. Воздух пах мокрой травой, сосновой смолой и ещё чем-то — может быть, дымом, может быть, землёй. Он по-

стоял на крыльце, вдыхая этот запах, и понял, что не знает, куда идти.

Он пошёл туда, куда вели тропинки.

Сначала они казались хаотичными — сворачивали то влево, то вправо, обходили дома, ныряли под ветками. Но через несколько шагов он заметил: все они вели в одну сторону. К центру.

Арман шёл медленно, вглядываясь в детали. Дома были разбросаны как попало, но каждый был связан с другим тропинкой, дорожкой, мостиком. И эта сеть, которая сначала казалась случайной, вдруг стала почти прозрачной.

Он не сразу заметил женщину с ведром. Она стояла у колодца, набирала воду, потом подняла голову. Осмотрела его. Увидев на лице Армана неуверенность, она улыбнулась:

— Ты в столовую, на завтрак? Иди за мной.

Она пошла. Не обернулась. Арман последовал за ней.

Общий дом оказался большим помещением с длинными деревянными столами. За окнами — горы. За завтраком сидели люди — взрослые и дети, старики и подростки. Ели, разговаривали, смеялись. Никаких молитв. Никаких ритуалов. Просто утро и еда.

Кто-то махнул ему рукой. Кто-то пододвинул стул. Арман сел, не зная, куда смотреть.

Рядом с ним оказалась девочка — светлые волосы, серьёзные глаза. Она не сказала ни слова. Она рисовала карандашами в блокноте.

Арман смотрел, как её рука двигается по бумаге. Линии ложились уверенно, почти без раздумий. Он думал, что она рисует окно или горы за ним. Но когда она повернула блокнот к нему, он увидел себя.

Себя — идущего по тропинке. Не так, как он видел себя в зеркале, а так, как будто она видела его изнутри. На рисунке он был просто в пути.

Арман долго молчал.

— Почему тропинка нарисована лучше меня? — спросил он наконец. Тропинка была действительно прорисована гораздо четче, тогда как он узнал себя лишь по характерному вихру волос на макушке.

Девочка взяла блокнот, написала что-то и показала ему: «Потому что ты по ней идёшь».

Она улыбнулась. Не словами — глазами. И отвернулась к своему завтраку.

После завтрака к нему подошёл Учитель. Остановился рядом, положил руку на край стола.

— Пойдём.

Они пошли к озеру. Молча. По тропинке, которая спускалась вниз, между сосен. Тени от веток ложились на землю, как кружево. Арман смотрел под ноги, потом на деревья, потом на небо. Всё казалось ему знакомым и новым одновременно.

Они вышли на берег. Озеро было неподвижным. Тёмная вода, гладкая, как зеркало, отражала небо, облака, горы, сос-

ны на том берегу.

— Смотри, — сказал Учитель. — Что ты видишь, Арман?

— Воду. Небо.

— Где оно?

— В воде.

Учитель нагнулся, поднял камень и бросил в озеро.

Круги разошлись по поверхности. Небо в воде задрожало. Облака расплылись. Горы качнулись. Всё, что было в озере — всё изменилось.

Долгая пауза.

— Где теперь небо? — спросил Учитель.

Арман смотрел на воду. Круги становились всё шире, пока наконец не исчезли совсем. Но небо в воде больше не было прежним — оно дрожало, собиралось заново, медленно возвращаясь к покою.

— Везде, — сказал Арман. — Оно везде дрожит.

— Это и есть порядок. Не застывший, а живой, — сказал Учитель.

Они постояли ещё немного. Ветер прошёл по воде, и озеро снова стало гладким. Но Арман знал — оно уже не совсем то, каким было минуту назад.

Они пошли обратно. Арман шёл медленно, смотрел на тропинки, на дома, на людей. Всё выглядело иначе, чем утром. Тропинки были не просто дорогами — они были связями. Дома — не просто зданиями, а местами, где пересекались люди, мысли, события.

Он заметил, как человек вышел из дома и подошёл к другому, чтобы что-то сказать. Как они стояли и разговаривали. Как их слова соединяли их, как тропинки соединяли дома.

Вечером Арман сидел за столом и смотрел на свой старый блокнот. Он никогда не писал в нём — только делал заметки. Но сейчас он открыл чистую страницу и взял карандаш.

Он нарисовал точку. Потом ещё одну. Соединил их линией. Потом ещё одну.

Через минуту лист превратился в сеть — линии, точки, пересечения. Тропинки, дома, люди, озеро. Всё было связано. Даже тогда, когда не видно.

Он долго смотрел на рисунок. Потом закрыл блокнот. Ничего не написал. Лёг спать. За окном было тихо.

Глава 3. Инь и Ян

> Информационное поле имеет двойственную природу. Всякая вещь существует одновременно как актуальная, проявленная структура и как потенциальный, ещё не реализованный спектр своих возможностей. Одно не существует без другого. В явленном всегда скрыто семя перемен. В непроявленном всегда присутствует образ грядущей формы. (Принцип Дualityности)

Дождь пришёл внезапно, как это бывает в горах.

Сначала редкие тёплые капли оставляли на дорожке тёмные круги, похожие на старые монеты. Потом небо словно опустилось к самой земле, и вода пошла сплошной стеной. За окном постепенно исчезли сосны. Остался только силуэт одной старой, совсем рядом с домом, — тёмный, почти чёрный, будто нарисованный тушью на серой бумаге.

Арман сидел в гостинной общины и ждал.

У двери уже стоял рюкзак. Бутылка воды. Яблоко. Кусок хлеба. Блокнот. Три карандаша разной твёрдости — привычка, оставшаяся от дедушки, который говорил, что хороший рисунок начинается не с руки, а с правильно выбранного карандаша.

Сегодня они собирались идти к дольмену у озера. Но дождь, похоже, решил иначе.

Арман вздохнул и подошёл к окну. Дом молчал. Слышно было только, как вода стекает по водосточной трубе, как ветер перебирает мокрые ветви и как где-то совсем далеко глухо перекликаются птицы, переживающие непогоду.

Он обернулся.

Гостиная всегда казалась ему старше самого времени. Толстые деревянные балки с зарубками старого топора. Тяжёлые кресла, обитые выцветшим бархатом. Холодный камин из серого камня. И огромное полотно на стене.

Инь-Ян.

Арман видел этот знак десятки раз. На маминых серьгах. На страницах книг. На сувенирах, которые привозили из дальних странствий. Но никогда — таким большим.

Он подошёл почти вплотную.

Две формы, плавно перетекающие одна в другую. Белое. Чёрное. И две маленькие точки. Светлая внутри тьмы. Тёмная внутри света.

— Чёрное — женское... Белое — мужское... — тихо произнёс Арман.

Слова прозвучали удивительно маленькими. Словно они объясняли лишь поверхность. Словно касались только внешнего, оставляя глубину нетронутой.

За спиной скрипнула дверь.

Учитель вошёл почти неслышно, стряхивая с плеч последние дождевые капли.

— Так тебе рассказали? — спросил он.

Арман кивнул.

— А разве не так?

Учитель долго смотрел на символ. Очень долго. Настолько долго, что Арман перестал ждать ответа.

Наконец Учитель тихо сказал:

— Так тоже.

Он улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Знаешь... Я смотрю на этот знак почти сорок лет. И каждый год замечаю в нём что-нибудь новое.

Он прищурился.

— Сегодня, например, вдруг понял, что не помню, с какой стороны у него белая точка.

Арман невольно улыбнулся. Он так и не понял — шутил Учитель или говорил совершенно серьёзно.

— Самые древние символы потому и живут тысячелетиями, что не заканчиваются одним объяснением.

Они ещё немного помолчали. Дождь всё так же шумел за окном, и в этом шуме было что-то уютное, почти домашнее. Словно само время замедлилось, давая им возможность всматриваться, не торопясь.

— Это лишь на первый взгляд, — сказал Учитель. — Чёрное — на самом деле не просто чёрное. Это не цвет. Это — темнота. То, что не подсвечено. А как известно, в темноте может быть всё, что угодно.

Он перевёл дыхание. Арман чувствовал, как каждое слово оседает в тишине, как капли дождя оседают на листьях.

— Потенциал. Бесконечное многообразие, которое не проявлено и поэтому ждёт своего мига, своего момента, чтобы проявиться. Тьма выражает то, что в ней может скрываться всё, что можно представить. И главное — то, что представить невозможно. Это как квантовая суперпозиция — то, что может быть, но чего ещё нет. Все возможности сразу, пока ты не посмотришь.

Арман смотрел на символ. Чёрное перестало быть просто чёрным. Оно стало глубоким, как ночное небо перед грозой. Оно стало полным. Бесконечным. В нём жили тысячи миров, которые ещё не родились.

— Белое, — продолжал Учитель, — это то, что воплощено. Проявлено. То, что обрело цвет, вкус, форму, плотность, вес. То, что было рассчитано, реализовано, стало явным. То, что можно увидеть и потрогать. Это — схлопнувшаяся волновая функция. То, что перестало быть возможностью и стало фактом.

Арман смотрел на символ. Белое стало плотным, осязаемым. Как молоко. Как утренний свет. Как слова, которые наконец нашлись.

— Видишь, — сказал Учитель, указывая тростью на полотно, — в чёрном образе есть маленький белый круг. А в белом — в свою очередь — чёрный. Как думаешь, почему?

Арман посмотрел на точки. Он видел их всегда. Но никогда не задумывался, зачем они там. Они казались ему просто частью узора, необходимым завершением формы.

Но теперь он понял, что без них символ был бы неполным. Как дом без окон. Как ночь без звёзд. Как возможность, которая никогда не станет реальностью.

— Я не знаю, — сказал он наконец. Просто. Честно.

Учитель кивнул. Он не был разочарован. Он был удовлетворён — будто честный ответ значил больше, чем правильный.

— Это выражение фрактальной природы бытия, — сказал он. — В каждом есть всё. И во всём есть каждое. В непроявленном есть капля проявленного, которая готова стать непроявленной. И наоборот. Ничто не является чистым. Даже самая глубокая тьма хранит свет. Даже самый яркий свет несёт тень. Даже в самой полной неопределённости уже есть крошечный факт. И в самом твёрдом факте — крошечная неопределённость, готовая развернуться.

Арман смотрел на полотно. Он вдруг подумал о письме, которое три дня назад начал писать отцу. «Папа...» — и дальше не смог. Страница так и осталась незаконченной. В ней было всё, что он хотел сказать. И ничего, что можно было бы записать. Как чёрная половина символа. Как непроявленное. Как суперпозиция всех возможных слов, которые он мог бы выбрать.

— А ещё, — тихо добавил Учитель, — посмотри на движение.

Арман смотрел. И вдруг он увидел. Он видел этот образ много раз. На картинках, в книгах, на маминых серьгах. Но

он никогда не видел его вот так.

— Он... он возвращается, — сказал Арман.

Учитель повернулся к нему. В его глазах мелькнуло что-то — удивление или одобрение. Арман не мог сказать точно.

— Да, — сказал Учитель. — Он возвращается.

Арман смотрел на полотно. Чёрный круг сверху, белый снизу. И изогнутые хвосты, перетекающие друг в друга, создавали ощущение движения. Как вода в горном ручье. Как облака, которые медленно плывут по небу. Как дыхание. Как постоянное рождение и умирание возможностей.

— Это выражает вечный цикл, — сказал Учитель. — Непроявленное подсвечивается и становится проявленным. А проявленное, получив миг бытия, уходит в неизвестность, во тьму, в которой скрывается всё. Как волна, которая схлопывается в частицу, а потом снова становится волной. Изменная и неостановимая. Вечное вращение. Вечный цикл. Вечное вычисление.

Арман стоял рядом с Учителем и чувствовал, что слова эти не были просто красивыми словами. Это было описание того, что он видел. Вращение. Перетекание. Дыхание вселенной. Бесконечный танец между тем, что есть, и тем, что может быть.

Дождь за окном стихал. Арман не сразу это заметил. Он всё ещё смотрел на полотно. Но вдруг услышал, что капли перестали барабанить по крыше. Теперь они падали реже, крупнее, тяжелее. Некоторые — на подоконник, который

был открыт, и вода оставляла на дереве тёмные пятна.

Учитель поднялся. Он взял трость, поправил очки — старые, с потёртой оправой, которые вечно сползали к кончику носа — и взглянул в окно.

— Дождь кончается, — сказал он. — Пойдём.

После дождя лес всегда становился другим. Воздух пах мокрой землёй, сосновой смолой и камнями. С каждой ветки ещё падали последние капли. Иногда прямо на лицо. Иногда — на плечо. Тропа блестела. В лужах медленно плыли разорванные облака.

Арман шёл позади Учителя и думал о том, что, возможно, самые важные вещи всегда остаются недосказанными. Как те две точки на символе — маленькие, почти незаметные, но без них не было бы целого. Как то письмо, которое он так и не дописал.

Он вспомнил его снова. «Папа...» — и ничего больше. Но теперь ему казалось, что эти четыре буквы — тоже как та маленькая светлая точка внутри тьмы. То, что не исчезло, даже когда всё вокруг изменилось. То, что ждёт своего часа, чтобы проявиться.

Он смотрел на мокрую тропу, на листья, с которых стекала вода, на свет, который начинал пробиваться сквозь облака, и чувствовал, как внутри него тоже что-то вращается. Что-то, что не может остановиться. Тьма и свет. Непроявленное и проявленное. Возможность и факт.

Озеро открылось неожиданно. Тёмная вода почти не дви-

галась. Только первые солнечные лучи, пробившиеся сквозь облака, рассыпались по поверхности золотыми бликами. Они дробились. Исчезали. Снова возникали. Будто свет всё время выбирал новую форму.

У самого берега стоял дольмен. Три больших камня. Потрескавшихся. Покрытых мхом и лишайником.

Арман подошёл ближе. Положил ладонь на холодную поверхность.

— Сколько ему лет?

— Никто не знает точно. Наверное, три тысячи. А может, больше. Иногда даже камни рассказывают разные истории.

Арман улыбнулся.

— Они тоже умеют врать?

— Иногда. Или мы плохо умеем их слушать.

Некоторое время они молчали. Солнце постепенно выходило из-за туч. На воде становилось всё больше света. Блики танцевали, перетекали, исчезали и рождались снова — и в этом движении Арман узнавал то же вращение, что видел на полотне. То же перетекание чёрного в белое и белого в чёрное. То же вечное рождение и исчезновение возможностей.

— Учитель...

— Да?

— Камень живой?

Учитель долго не отвечал. Он смотрел на озеро. Потом тихо сказал:

— В нём почти ничего не движется. Но многое осталось.

Арман снова провёл ладонью по шероховатой поверхности. Учитель слегка покачал головой.

— Спроси меня об этом через десять лет. Может быть, я отвечу иначе.

Они ещё долго стояли молча. Чёрная вода медленно принимала в себя солнечный свет. Блики рождались и исчезали. Облака отражались на поверхности так ясно, что в какой-то момент Арман перестал понимать, где заканчивается небо и начинается озеро.

Он смотрел на воду и думал о том, что камень, наверное, похож на чёрную половину Инь-Ян. Он проявлен — его можно потрогать, измерить, описать. Но в нём скрыто всё, что он видел за три тысячи лет. Всё, что он помнит. Всё, что осталось непроявленным, но продолжает жить внутри. Как та тёмная точка внутри белого — крошечная неопределённость, готовая развернуться.

Блики на воде дрожали и перетекали. Они были похожи на маленькие светлые точки внутри тьмы, которые готовы стать непроявленными. И каждая тень от облака — на тёмную точку внутри света, которая только ждёт своего часа, чтобы проявиться.

Арман не стал задавать больше вопросов. Он просто стоял и смотрел на блики, перетекающие по поверхности тёмной воды. И чувствовал, как внутри него продолжается то же вращение. Вечное. Неостановимое. Между тем, что есть, и тем, что может быть.

А дождь, казалось, ещё долго продолжал идти где-то глубоко внутри леса.

Глава 4. Ничто не исчезает

> В замкнутой системе полная информация сохраняется. Информация не возникает из ничего и не исчезает бесследно. Она лишь переходит из актуальной формы в потенциальную и обратно. Видимое исчезновение информации есть её переход в скрытую, корреляционную форму. Ничто не пропадает навсегда.

Принцип Сохранения Информации

День выдался тяжёлый.

Арман проснулся затемно — в пять утра, когда за окном ещё было черно, и только первые птицы пробовали свои голоса.

Ранний завтрак. Цигун. Йога. Потом дыхательные практики. Потом работа в саду.

Июльское солнце стояло высоко и не двигалось. Казалось, что время застыло, а жара только нарастала.

Арман полыл грядки. Потом носил воду. Потом помогал на кухне. Руки его устали, спина болела, а голова была пустой и лёгкой, как кораблик на воде.

Он не заметил, как усталость перешла в сон. Это случилось после обеда, когда все разошлись по комнатам на тихий час. Арман лёг на кровать, хотел просто полежать с закрытыми глазами, но провалился. Глубоко. Как в тёплую воду.

Когда он открыл глаза, за окном было темно. Сумерки уже

сгустились, и только полоса света на западе ещё напоминала о том, что солнце было недавно. Арман посмотрел на часы и моргнул. Сердце ёкнуло. Встреча с Учителем должна была быть полчаса назад. Он вскочил, натянул лёгкую куртку — вечера в горах прохладные — и выбежал из комнаты.

Двор был пуст. Никого. Ни звука. Только ветер шуршал листьями.

Арман замер. Он не знал, куда идти. Потом услышал голоса — далёкие, приглушённые. За забором. Там, где начинался луг.

Он пошёл туда. Не побежал — просто пошёл, чувствуя, как сердце постепенно успокаивается. Если он и опоздал, то не критично.

Луг встретил его тишиной. Он был широким, пологим, уходящим вниз к реке, которая в сумерках казалась серебряной лентой. А над ним — небо. Огромное.

Тёмное. Усыпанное звёздами, которые только начали проступать сквозь уходящий свет.

Дети сидели на расстеленных на траве ковриках. Кто-то лежал на спине, глядя вверх. Кто-то сидел, обхватив колени. В центре стоял Учитель — и его голос был тихим, спокойным, как будто он тоже был частью этой ночи. Арман подошёл и сел на траву, стараясь никому не мешать.

— ...и тогда Кит, которого послал Посейдон, вынырнул из глубины, — говорил Учитель. — Он был так велик, что когда

открыл пасть, казалось, что разверзлась земля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.